

К методологии научных исследований

Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт

Каменский Евгений Георгиевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО Юго-Западный государственный университет, Курск

E-mail: kamensky80@mail.ru

Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт

Аннотация

В статье¹ представлена авторская концепция коррупционной культуры как социального феномена, осуществлена попытка его категоризации. Описываются функциональные, структурные, поведенческие и иные аспекты содержания изучаемого явления. В результате формируются и инструментально актуализируются теоретико-методологические и концептуальные основания научного анализа коррупционной культуры в социальной теории. Основными процессами институционализации коррупции, её идентификации как социокультурного явления выступают процессы легитимации и ритуализации коррупционных практик, типизируемые в условиях симуляции и имитации формальных социальных практик. Вследствие данной ситуации коррупция как нормативная среда начинает регулировать социальные отношения в обществе. В частности, в результате теоретических исследований было предложено авторское определение понятия коррупционной культуры, а также определены её особенности в России, заключающиеся в интеграции таких криминальных феноменов как национальная коррупционная традиция, коррупционная организационная культура и коррупционные деструкции институциональной организации социума. Сформирована модель функциональной структуры коррупционной культуры и механизмов её формирования в условиях аномии ценностно-нормативного пространства российского общества. Коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве. В этих случаях ценностно-нормативные компоненты коррупционных практик также основываются на специфике ценностно-нормативной матрицы института их локализации. Таким образом, в России коррупция как социальный феномен определённого ценностно-нормативного содержания пролонгируется в хронологическом контексте в социальную перспективу как компенсаторный комплекс дисфункций аномии социокультурной системы, обусловленной национальной традицией организации экономики и производства, спецификой социальной психологии населения и его профессиональных групп. Отмечается феномен альтернативности коррупции в отношении официального права. То есть идентифицируются два института регулирования формальных отношений, функционирующих параллельно, где каждый сопровождает процесс реализации формальных социальных практик посредством собственных методов – правовых либо криминальных (коррупционных).

Ключевые слова: коррупционная культура, коррупция, коррупционные риски, институциональная структура, социальный ритуал, легитимация, криминальные практики

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Коррупционные риски инновационного развития: социолого-криминологический анализ», проект № 13–33–01265.

Проблема коррупционной культуры в настоящее время не имеет комплексного научного объяснения. В первую очередь, не разработаны категориальные границы данного феномена, не определены непротиворечивые теоретико-методологические подходы к его анализу. Собственно, не представлен должным образом сам понятийный конструкт коррупционной культуры как научной дефиниции.

По нашему мнению, описанное состояние научной теории в данной области может быть объяснено уже самой противоречивостью лексического содержания понятия. Традиционно в обыденном, и нередко в научном, коммуникативном обмене термин «культура» и его производные определяются как нечто, содержащее социально полезные, конструктивные, собственно «положительные» характеристики какого-либо объекта. В свою очередь, понятие «коррупция» несёт в себе противоположные смыслы как в формальном, так и в нравственном аспекте его употребления. Следовательно, понятие «коррупционная культура» воспринимается как нечто внутренне антагонистичное, несовместимое.

Тем не менее, социально-онтологические характеристики культуры, при всем многообразии её определений, не содержат, за исключением аксиологических аспектов, каких либо предпосылок для выводов об её исключительно социально полезной роли и содержании. Кроме того, в истории социальной мысли как России, так и зарубежья, содержится немало положений, объясняющих культуру как деструктивно влияющий социальный факт в отношении естественных предпосылок развития личности и общества.

Для целей нашего исследования мы предполагаем принимать во внимание социологические, в первую очередь институционализирующие и ценностно-нормативные, аспекты содержания культуры как социального феномена, её системно-структурные и функциональные компоненты, интегративное значение в социальном пространстве.

В. П. Култыгин отмечает: «С середины 1980-х гг. стало расти понимание того, что культура является не только и не столько сферой художественного творчества, художественной рефлексии, но, прежде всего, в тесной взаимосвязи самых разнообразных форм поведения индивидов и групп с ценностями и их иерархическими конфигурациями в общественном сознании акторов. В этой связи возникли так называемые *cultural studies*... Задачей данного обществоведческого жанра стало раскрытие социальных механизмов, управляющих поведением людей, в первую очередь посредством идентификации и самоидентификации людей с определёнными общностями и присущими им нормативными системами» [Култыгин 2008:143].

Мы также, в контурах предмета нашего исследования, под основными компонентами культуры понимаем ценности и нормы общественной жизни, формирующие ценностно-нормативную матрицу социальных отношений. Данная конструкция будет носить универсальный характер в предметной области исследования, так как позволяет анализировать с означенных позиций любые объекты культурных практик вне зависимости от критериев их классификации. То есть любые номинально теоретически или эмпирически определённые группы социокультурных отношений могут быть исследованы с позиций ценностно-нормативного содержания, которое присутствует в них как системообразующий элемент, наряду с целеполаганием данных видов отношений.

Одним из предметных исследований проблемы определения содержания коррупционной культуры через ценностные характеристики является работа Т. А. Нестик. Он пишет, что в существующей научной литературе можно выделить три подхода к взаимосвязи культуры и коррупции. Согласно первому из них, сама коррупция является культурой (деловой или организационной) и должна анализироваться с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей. Второй подход восходит к структурному функционализму Т. Парсонса и Р. Мертона. В его рамках коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам, порождаемым конфликтом между элементами системы ценностей. В рамках третьего подхода коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры [Нестик 2002].

Полагаем, что особенности коррупционной культуры в России интегрируют в себе черты всех указанных типов коррупции, как в социально-содержательном, так и в детерминационном аспекте. В данном случае важно учитывать, что объектом, обладающим определённым ценностно-нормативным содержанием, выступают коррупционные практики как специфический вид социального взаимодействия. Следовательно, коррупционная культура может быть рассмотрена как результат процесса неформальной институционализации данного вида криминальных практик.

Этот вывод можно схематически представить моделью детерминаций особенностей российской коррупционной культуры (см. рис. 1).

Под основными компонентами культуры понимаются ценности и нормы общественной жизни, формирующие ценностно-нормативную матрицу социальных отношений.

Объектом, обладающим определённым ценностно-нормативным содержанием, выступают коррупционные практики как специфический вид социального взаимодействия. Следовательно, коррупционная культура может быть рассмотрена как результат процесса неформальной институционализации данного вида криминальных практик.

Рис. 1. Модель детерминаций особенностей коррупционной культуры России

В данном случае сложно установить прямые детерминационные связи между указанными явлениями, так как это требует проведения достоверного исторического анализа развития коррупции в России. В ранжировании хронологии детерминации социальных феноменов мы ориентировались на общепринятое в социологической науке понимание социальных процессов и механизмов. Тем не менее, очевидно, что все три причинных комплекса могут быть в равной степени идентифицированы в российской правовой культуре. В данном случае определённые ранги в механизмах причинности присвоены им на тех основаниях, что особенности национальной культуры определяются территориальными, географическими, природно-климатическими, геополитическими и иными причинами, носящими объективный, несоциальный характер, в то время как другие причинные блоки зачастую определяются собственно социальными основаниями. При этом, вне зависимости от детерминационного статуса в отношении друг друга, все три блока причин определяют особенности коррупционной культуры в России в равной степени.

Таким образом, в наиболее обобщённом виде процесс институционализации коррупционных отношений можно представить следующей процессуальной формой, согласующейся с общепринятой в социологии моделью формирования социальных институтов. Данный вид взаимодействий, имея длительную хронологическую и культурную историю в России, транслируясь в социокультурной институциональной системе хронологически и пространственно, типизируется. В результате формируются специфически ему присущие ценности и нормативы, то есть естественным образом происходит институциональное развитие определённого типа криминальных

отношений, что и соответствует социологической модели институционализации. По мере развития коррупционной модели отношений как вида криминальной практики, её системное содержание усложняется, варьируется в своих проявлениях, сохраняя основной идентифицирующий признак, заключающийся в определённой квалификации данных отношений с позиций нормативно-правового регулирования как коррупционных. Квалифицирующие признаки коррупции как преступления в уголовном законодательстве определяют критерии идентификации рассматриваемого вида отношений как коррупционных, формируют его видовую самостоятельность и социальную репрезентативность.

Кроме того, коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве. В этих случаях ценностно-нормативные компоненты коррупционных практик также основываются на специфике ценностно-нормативной матрицы института их локализации.

Таким образом, коррупционную культуру мы считаем возможным определять в первую очередь с позиций информационно-семиотического подхода как социально значимую информацию, транслирующуюся через определённые ценности, нормы, символы, смыслы. Тем не менее, данный подход не учитывает социально-поведенческий компонент коррупционных отношений, что, согласно антропологическому подходу к культуре, может быть компенсировано через введение в категориальный конструкт формы данного типа социальных практик (определённого способа человеческой жизнедеятельности).

Методологически ценным для нашего исследования мы считаем позицию К. Мангейма, определяющего следующие факторы, важные для формирования понятия культуры:

1. Релятивизация отдельных сфер культуры по отношению друг к другу, причём ценностный акцент делается на всей их совокупности.
2. Понимание относительности и преходящего характера любой исторической формы феномена культуры.
3. Осознание принципиально процессуального характера культуры.
4. Соответствующее образованию переживание феномена культуры как такового, идеал образования.
5. Антагонистическое размежевание понятия культуры и понятия природы.
6. Осознание общественного характера феномена культуры [Мангейм 2000: 239].

Коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве.

Следовательно, по К. Мангейму, ценностный акцент переносится на весь феномен культуры, что мы полагаем существенным в анализе её коррупционного редукта. Также ценности как существенный элемент коррупции отмечает Т. М. Безубяк: «Результаты теоретического анализа проблемы коррупции показывают, что она выступает в качестве специфической формы социального взаимодействия, возникающей на основе изменения общественных ценностей и принятия в массовом сознании асоциальных установок. Такое социальное явление предполагает замещение функциональных взаимодействий, обеспечивающих реализацию общественных потребностей, в том числе практик хозяйствования, дисфункциональными практиками, узко групповыми эгоистическими притязаниями, подменяющими общественные интересы» [Безубяк 2010: 66]. Кроме того, в приведённой позиции идентифицируется компенсаторный, замещающий характер коррупции, что согласуется с выводами в отношении адаптации современной институциональной системы к аномии социокультурной среды, в том числе коррупционными способами. В условиях российской действительности данные процессы аккумулируются стойкой исторической традицией коррупции в условиях объективных онтологических предпосылок её возникновения как социально-правового феномена. В. Ю. Якутин пишет: «Коррупция как способ корыстного использования любого властного места существует всегда, пока существует власть, о каком бы обществе – первобытном, рабовладельческом, феодальном – ни шла речь. В условиях действия товарно-денежных отношений коррупционные приёмы меняются, приобретают в основном денежную форму» [Якутин 2010: 91].

Помимо устойчивой исторической традиции коррупции в России, её распространение и влияние на общественные процессы аккумулирует глобализация этого явления, отмеченная сегодня в научном сообществе [Серапина 2010: 81–87] и обусловленная общемировыми тенденциями формирования единого культурного и экономического пространства, ростом участия в общественных процессах транснациональных корпораций и межправительственных организаций, деятельность которых регулируется нормами международного (и международного частного) права, в которые не включены вопросы ответственности за коррупционные деяния, отнесённые к сфере национальной юрисдикции.

В свою очередь, на основе работы М. Ю. Попова [Попов 2010: 24–31], можно представить три модели наиболее общего понимания коррупции:

1. Как социально-правового явления, то есть как вида преступления.

Идентифицируется компенсаторный, замещающий характер коррупции, что согласуется с адаптацией современной институциональной системы к аномии социокультурной среды, в том числе коррупционными способами.

Помимо устойчивой исторической традиции коррупции в России, её распространение и влияние на общественные процессы аккумулирует глобализация этого явления.

2. Как следствия личностного мировоззрения, обусловленного субъективно-средовыми факторами.

3. Как исторически обусловленную неправовую нормативность.

По нашему мнению, описанные модели объяснения коррупции являются не самостоятельными определениями её сущности, а могут быть рассмотрены как характеристики различных аспектов её социальной онтологии. То есть необходима интеграция всех указанных аспектов в единое поле дефиниции коррупционной культуры, что возможно через её описание как сложного социального феномена.

На основании описанных выше методологических предпосылок, мы полагаем возможным сформулировать понятие коррупционной культуры, которая понимается как *совокупность ценностно-нормативных регулятивов коррупционной деятельности как институционального криминального явления, сформированная в результате исторического развития коррупционных практик социального взаимодействия, обуславливающая возникновение и преемственность типовых форм их осуществления в границах действующего в определённый хронологический период нормативно-правового контекста (законодательства) общества, а также сами социально репрезентативные формы коррупционной деятельности.*

Для структуризации данного понятия с целью определения его социально идентифицируемых проявлений, коррупционную культуру можно рассмотреть в трёх аспектах (или уровнях):

1. Массовый (макро), отражающий общее состояние проблемы, направленный на подтверждение факта существования самого феномена и масштабов его отражения в социокультурном пространстве общества.

2. Институциональный (меза), по особенностям локализации в тех или иных типах социальных институтов.

3. Групповой и индивидуальный, личностный (микро), то есть коррупционное сознание.

Приведённая уровневая структура коррупционной культуры отражает иерархичность строения сложных систем как их сущностное, универсальное свойство, где в данном случае основным критерием такого рода стратификации выступает социальный масштаб явления. В перспективе становится возможным описывать уровни коррупционной культуры и их системные связи, что позволит решать проблемы определения детерминаций распространения её ценностно-нормативного содержания в институционально-субъектных контекстах.

Коррупционную культуру можно рассмотреть в трёх аспектах (или уровнях): массовый (макро), отражающий общее состояние проблемы, направленный на подтверждение факта существования самого феномена и масштабов его отражения в социокультурном пространстве общества; институциональный (меза), по особенностям локализации в тех или иных типах социальных институтов; групповой и индивидуальный, личностный (микро), то есть коррупционное сознание.

Операционализовав понятие коррупционной культуры, необходимо определить её сущностные, социально-онтологические характеристики. В связи с этим, важно отметить, что коррупция как самостоятельный вид социальных практик имеет длительную историю в России, что позволяет рассматривать её как определённый тип криминальной культуры, транслируемый в современные формы социальных взаимодействий в контексте процессов архаизации институтов власти. В частности, П. Л. Крупкин отмечает: «...в 1990-е гг. произошла существенная архаизация российской государственности. В ... контекст архаизации вписывается ... современная российская коррупция, которая чётко показывает, что основным мотивом многих представителей правящего класса является именно стремление к извлечению максимума дохода из подконтрольной территории, и это выражается в большой величине коррупционной ренты, которая присваивается чиновничеством. Коррупционные изъятия существуют как в форме «разворовывания бюджета», т. е. стоимость государственных услуг завышается на величину «откатов», так и в форме просто взяток, т. е. фактически дополнительного налога на общество» [Цит. по: Исаков, Ермоленко 2011: 387].

Принимая во внимание длительную хронологическую историю коррупции как формы социального взаимодействия, невозможно игнорировать для полноты понимания сущностного содержания коррупционной культуры её социально-психологические характеристики, в частности, правовой менталитет. А. Л. Журавлёв и А. В. Юревич выделяют три важных свойства отношения к коррупции в России, которые непосредственно связаны с массовой психологией россиян:

1. Толерантность – отношение к коррупции как к всеместному («все берут», «воруют-с» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьёзного осуждения.

2. Выраженное осуждение в массовом сознании россиян вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров.

3. Непоследовательность и противоречивость. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и моё окружение – другие». Таким образом «...очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными...» [Журавлев, Юревич 2012: 11].

Следовательно, в России коррупция гораздо шире понятия организационной культуры или временной дисфункции – это традиция, аккумулярующая ценностно-нормативный

потенциал практически всего спектра субъектов институционального взаимодействия. Данную позицию подтверждает, в частности, мнение Т. А. Нестик: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры. Коррупционные сети структурируются на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных), имеют множество целей и включают в себя различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным и по отношению к нормам государства и семьи, и по отношению к интересам отдельного их участника» [Нестик 2002]. Следовательно, можно констатировать институциональный комплекс коррупционной культуры, основанный на идентифицируемом ценностно-нормативном фундаменте.

Мы полагаем, что представленные выше характеристики коррупционной культуры позволяют утверждать, что последняя выступает неформальной институциональной альтернативой формальному институту позитивного права. При этом, являясь, по сути, ценностно-нормативной матрицей социального взаимодействия, эти институциональные пространства коррелируют к состоянию всего комплекса характеристик социокультурной среды российского общества и в соответствии с содержанием социального запроса дублируют функциональный набор друг друга, позволяя реализовать определённые цели субъектов формального взаимодействия наиболее эффективным из указанных альтернатив на данный момент способом. Репрезентирующими характеристиками социокультурной и политической среды в отношении формирования коррупционных деформаций культуры определяются низкий уровень правосознания и отсутствие действенных механизмов обратных связей общества и государства [см., например: Колосова, Иванюк 2011: 160–167]. Этот процесс интегрирует черты описанных Т. А. Нестик подходов. Например, частично его можно объяснить теорией аномии Р. Мертона, через адаптационный потенциал коррупции в отношении низкого уровня правореализационной практики. В то же время, здесь прослеживаются черты третьего подхода, согласно которому коррупция – явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры. В такого рода условиях она транслируется в широчайший спектр формальных отношений институциональной системы и локализуется, в том числе, как организационная культура, что соответствует первому описанному Т. А. Нестик подходу. Следовательно, *в России коррупция как социальный феномен определённого ценностно-нормативного содержания*

В России коррупция гораздо шире понятия организационной культуры или временной дисфункции – это традиция, аккумулирующая ценностно-нормативный потенциал практически всего спектра субъектов институционального взаимодействия.

Репрезентирующими характеристиками социокультурной и политической среды в отношении формирования коррупционных деформаций культуры определяются низкий уровень правосознания и отсутствие действенных механизмов обратных связей общества и государства.

продолжается в хронологическом контексте в социальную перспективу как компенсаторный комплекс дисфункций аномии социокультурной системы, обусловленной национальной традицией организации экономики и производства, специфической социальной психологии населения и его профессиональных групп.

Мы полагаем, что определение сущности коррупционной культуры во всём комплексе содержательных характеристик возможно через выявление её структурно-функционального устройства, а также его социально-аксиологического содержания. На основании существующих теоретических подходов и понятийного коррелята, предложенного нами ранее, коррупционную культуру возможно структурировать на следующие базовые подструктуры.

1. По содержательному критерию.

1.1. Нормы.

1.2. Ценности.

1.3. Контроль.

Отметим, что зачастую контроль выступает элементом иной, например управленческой, системы, и в представленной иерархии замещается традицией. Однако в отношении коррупционной культуры мы полагаем правомерным такой состав и ранжирование элементов в содержательном блоке при построении модели её структурной иерархии.

2. По масштабу субъектной локализации (количественному составу трансперсональных и персонифицированных субъектов).

2.1. Массовая.

2.2. Групповая.

2.3. Личностная (индивидуальная).

3. По масштабу институциональной локализации.

3.1. Системная (во всей институциональной системе).

3.2. Институциональная (коррупция в образовании, политическая коррупция и т. д.).

3.3. Субинституциональная (институционально-локальная, например, в сфере школьного или вузовского образования, в сфере отдельных органов госвласти и т. д.).

Особенностью процесса, включающего все уровни коррупционных деформаций, является то, что легитимные цели порождают через определённые ритуалы посредством механизма легитимации формирование коррупционной культуры, что происходит в контексте стойкой исторической коррупционной традиции и современных особенностей социокультурного и политико-экономического пространства России.

Ритуализация и легитимация коррупции являются существенными элементами процесса формирования коррупционной культуры как особого социально-правового феномена, так как формируют в общественном сознании её статус как устойчивого, культурно обусловленного, социального факта. То есть коррупционные схемы легитимируются через представление исключительности предоставляемых услуг, где вознаграждение выступает адекватной платой за их оказание. Этому способствует, в первую очередь, низкий уровень правовой культуры населения и коррупционные традиции. Ритуализация коррупционных взаимодействий основана на стойкой традиции допустимости данных форм неформальных отношений и их легитимации. Это в итоге сформировало определённые типовые модели коммуникаций, поведения и собственно всего процесса реализации коррупционных схем, то есть их ритуализацию. Иными словами, оказываемая услуга выступает ценностью, покупая и продавая которую субъекты коррупционных отношений руководствуются неформальными нормативами поведения в их реализации. В частности, коррупционные модели профессиональных отношений могут расцениваться как неформальная, но органичная часть организационной культуры определённых профессиональных сообществ. Данное обстоятельство подтверждает правомерность научной идентификации феномена коррупционной культуры, выводя её из категории исключительно теоретической конструкции в статус социокультурного феномена. Схематически данный процесс представлен на рис. 2.

Как представлено на рис. 2, оба процесса (коррупционный и правовой) равнозначно детерминируют насыщение социального и психологического содержания коррупционной культуры. Следовательно, вся система формальных и криминальных практик нормативно определённого процесса достижения легитимных целей субъектами профессиональных отношений результируется в правовом нигилизме либо через осознание неэффективности бюрократических процедур, либо через осознание эффективности процедур коррупционных, что также способствует институционализации коррупционных моделей мышления и поведения. В научной литературе мы также находим подтверждение объективации описанных процессов. В частности Ю. В. Латов отмечает: «...как считают многие обществоведы, именно бюрократизм и коррупция являются главной причиной того, что экономические и социальные программы дают низкий эффект. ... Интересно отметить довольно сильное отличие оценок значимости проблем коррупции и бюрократизма. В принципе, бюрократизм (бесконтрольность профессиональных чиновников) является основой, главной причиной развития коррупции. Объективно он должен был бы иметь индекс значимости такой же, как и коррупция, или даже выше. На самом же деле бюрократизм оценивается россиянами, в сравнении с коррупцией, как менее опасное явление» [Латов 2008: 130].

Коррупционные схемы легитимируются через утверждение исключительности предоставляемых услуг, где вознаграждение выступает адекватной платой за их оказание.

Рис. 2. Процесс формирования коррупционной культуры механизмами ритуализации и легитимации коррупционных практик в условиях низкой эффективности правореализации (цветом выделены стрелки, обозначающие высокоэффективные связи, без заливки цветом – низкоэффективные)

Описанная выше модель отношений иллюстрирует феномен альтернативности коррупции в отношении официального права. То есть идентифицируются два института регулирования формальных отношений, функционирующие параллельно, где каждый сопровождает процесс реализации формальных социальных практик посредством собственных методов – правовых, либо криминальных (коррупционных). Также необходимо отметить, что оба института находятся в общем аттракторе целеполагания – достижение легитимного результата. При этом у коррупции богатая традиция и отработанные временем модели, а у права – низкоэффективный правореализационный механизм и дихотомичные модели регулирования, обусловленные отсутствием устойчивой традиции правового регулирования и частой трансформацией нормативно-правового пространства, его противоречивостью и декларативностью.

На основании представленных выше конструктов, мы можем сформировать представление о функциональном наборе коррупционной культуры. Базовыми, наиболее чётко идентифицируемыми являются следующие функции коррупционной культуры: *трансляции; адаптивная; нормативная (регулирующая); ценностная; интегративная; организующая (институционализирующая)*. Все эти функции формируются в хронологической последовательности в контексте укрупнения масштаба коррупции как социально-правового явления, а также их типизации, становления коммуникативных связей в социальном пространстве, отражающих её институционализацию.

Функция трансляции обеспечивает пролонгацию коррупционных феноменов в национальной культурной традиции России в исторической перспективе.

Адаптационная функция отражает процесс приспособления социальных субъектов к ситуации аномии через удовлетворение социальных потребностей в регулировании правовой реальности коррупционными нормативами.

Регулирующая функция является производной процесса формирования адаптивной функции, так как коррупционная нормативность формируется в отсутствие механизмов реализации формального позитивного права, при сохранении социальной потребности в ценностно-нормативной системе реализации социальных взаимодействий.

В свою очередь, образование *ценностной функции* определяется нормативной, в то время как в естественном процессе институционализации недевиантных отношений механизм функционирует обратно, когда ценности предшествуют их нормативному закреплению. Однако ценности коррупционной культуры являются легитимацией неправовой нормативности криминального поведения субъектов коррупционных взаимодействий. То есть ценностно легитимируются коррупционные механизмы реализации социальных взаимодействий как реакция на социальную и психологическую депривацию субъектов коррупционных практик, ритуализируя и оправдывая коррупцию как альтернативную формальным правовым процессам форму.

Интегративная функция отражает эффекты так называемой «круговой поруки», наблюдаемой как следствие механической солидарности субъектов коррупционных практик, обеспечивает идентификацию их с определённым типом коррупционной культуры (организации, профессиональной группы и т. д.).

Институционализирующая функция обеспечивает формирование целостности коррупционной культуры как системы (происходит интеграция коррупционных ценностей, нормативов, ритуалов, моделей поведения в единое субкультурное пространство). Данная функция является производной от процесса формирования и реализации предыдущих функций.

Функции коррупционной культуры: трансляции; адаптивная; нормативная (регулирующая); ценностная; интегративная; организующая (институционализирующая).

Описанный процесс мы можем представить в виде схематической модели (см. рис. 3).

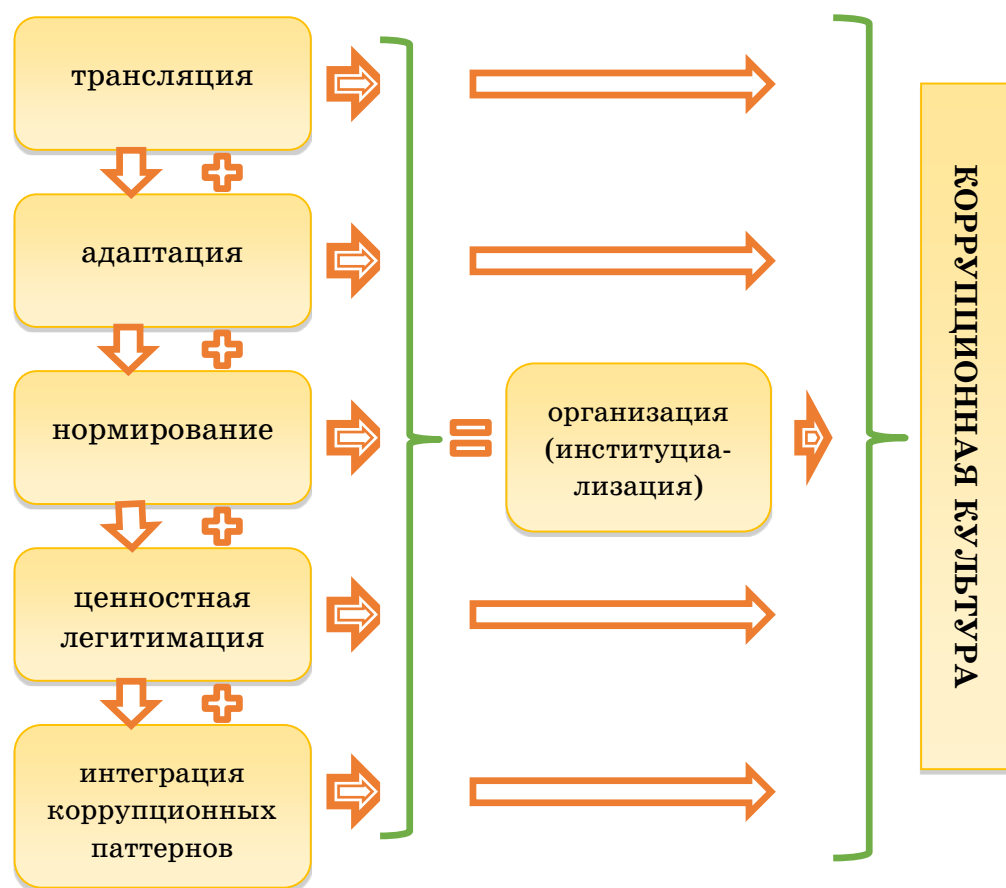

Рис. 3. Функциональная структура коррупционной культуры и механизм её формирования

Сам механизм возможно проиллюстрировать на примере организационной культуры в контексте процессов архаизации политического устройства России. В частности, целесообразно обратиться к исследованию И. И. Глебовой, определяющей современное состояние системы управления на всех уровнях власти (начиная с публичной политической сферы вплоть до частных контекстов менеджмента в организациях) как олигархический корпоративизм. Характеризуя его, она отмечает: «Если принять для описания современного российского государства метафору «государства–корпорации», «сословие» следует рассматривать в качестве аналога узкого круга её собственников и руководителей (работодателей). Функции «персонала» («корпорации работников») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками «сословности»: чётко осознают свои интересы, противопоставляют их всему обществу и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание социального влияния. Но самое главное: ощущают себя не в структуре социума, а над ним. К этому мировоззрению тяготеют и «работники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы» [Глебова 2001: 84–85]. По нашему мнению, описанные И. И. Глебовой

характеристики подтверждают высказанное нами ранее мнение о пролонгации контекстуальных, традиционных социокультурных оснований коррупции в историческую перспективу. Иными словами, трансформируются лишь формы типичных для России социокультурных практик управления, но содержательно они не меняются, и, соответственно, сохраняют свой коррупциогенный потенциал. Соответственно, механизм функциональной детерминации, представленной на рисунке 3, сохраняется. В отношении объяснения субъектно-личностных аспектов проблемы содержания и трансляции коррупционной культуры мы полагаем методологически продуктивной уже ставшую классической концепцию социального действия М. Вебера [Вебер 1990], т. е. трансляция коррупционной нормативности объясняется механизмами социального действия и социального ожидания. При этом коррупционное поведение может принимать любые формы социального действия, кроме аффективного. Целерациональность коррупции определяется объективацией проблемы решения формальных вопросов в контексте формальной процедуры, но не формальными (коррупционными) средствами. В итоге достигается рациональный результат – исполнение формальных обязанностей субъектов во избежание определённых осложнений в реализации целей, преследуемых в запросе к исполнению действия. Ценностно-рациональный и традиционный тип социального действия в коррупционных моделях отношений идентифицировать дифференцированно более сложно. В частности, коррупционная услуга представляется как ценность субъектами власти и требует исполнения определённого коррупционного ритуала (соблюдение поведенческой формы). В данном случае коррупционный ритуал проявляется как традиционное действие, принимая, например, форму «обязательности предложения взятки» или хотя бы упоминания о намерении «вознаградить за беспокойство». Таким образом, легитимированная коррупционная ценность, заключающаяся в имитации исключительности законной услуги, реализуемая через соответствующие стереотипные формы поведения (ритуалы), сохраняет свои институционализирующие характеристики и транслируется в социокультурный контекст как коррупционная культура. Важно отметить, что и собственно целерациональность коррупционных практик включена в структуру коррупции как социального действия, так как рациональный интерес, цель взаимодействия, выступает исходной, объективирующей весь коррупционный процесс, компонентой. Таким образом, коррупционное поведение интегрирует в себе, как мы утверждали ранее, признаки всех типов социального действия веберовской концепции, кроме аффективного, что согласуется с утверждением самого Вебера о крайне редкой реальной ориентированности поведения людей только на тот или иной тип рациональности, где сама эта классификация носит теоретико-

методологический характер. На основании изложенного возможно представить поведенческую структуру коррупционной культуры (см. рис. 4).

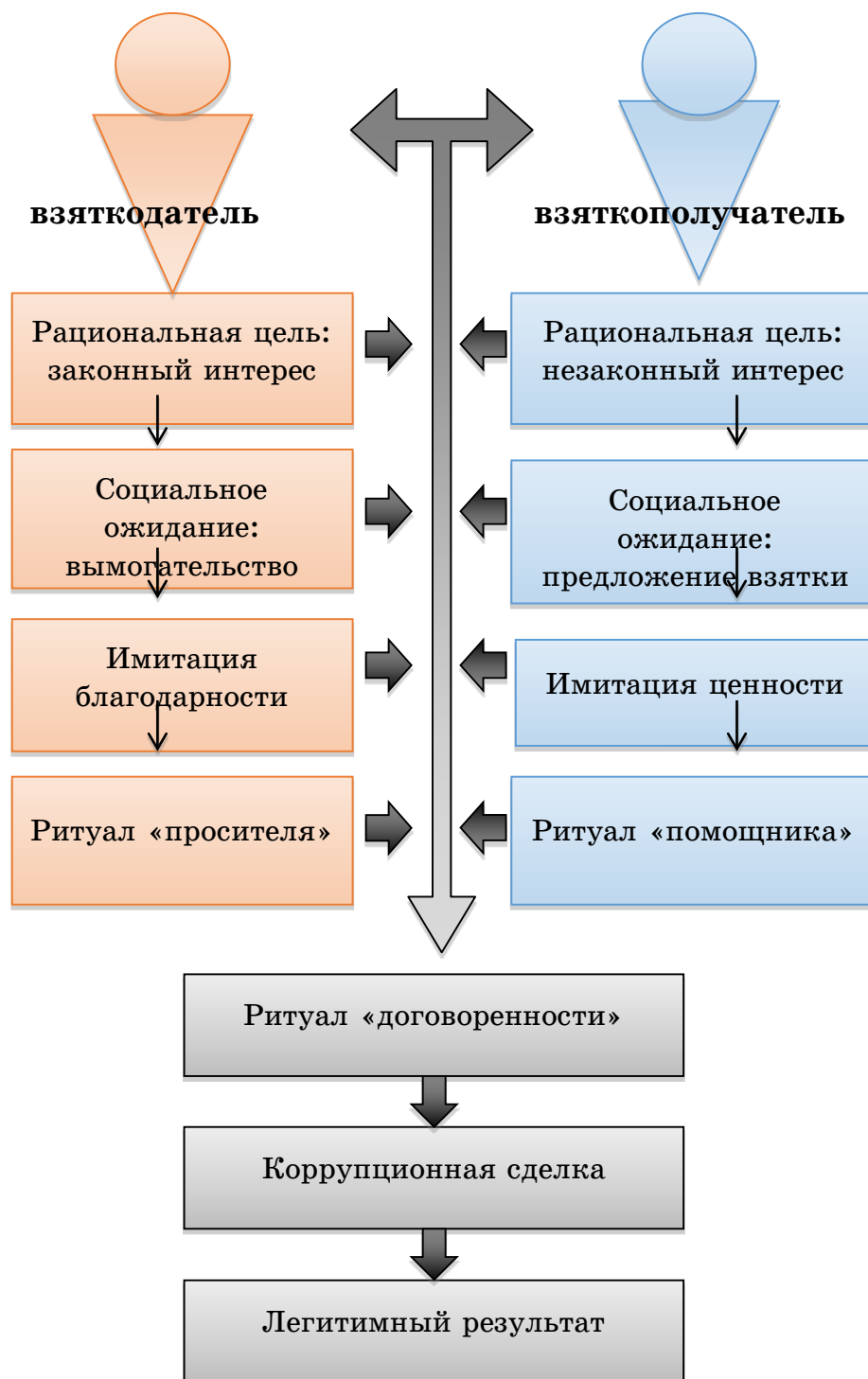

Рис. 4. Поведенческая структура коррупционной культуры

Таким образом, содержательные и структурно-функциональные характеристики коррупционной культуры коррелируют к её понятийному конструкту, репрезентируют позиции, представленные по данной проблематике в научной литературе, что позволяет позиционировать представленные нами выше теоретические модели как базовый, фундаментальный универсальный концепт, позволяющий адаптировать результаты нашего исследования к частным задачам теории коррупции.

Библиографический список

Безубяк Т. М. 2010. Формирование готовности учащихся профессионального лица к антикоррупционному поведению // Человек и образование. № 3 (24). С. 66–69.

Вебер М. 1990. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 602–643.

Глебова И. И. 2011. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология. № 2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.2/05.pdf> [Дата посещения: 11.09.2013].

Гольцов Н. Ф. 2008. Власть и коррупция: психологический аспект // Академический Вестник № 1: сборник научных трудов. Тюмень: Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права. С. 98–103.

Журавлёв А. Л., Юревич А. В. 2012. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. № 1. С. 8–21.

Исаков А. Л., Ермоленко В. В. 2011. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». № 3. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> [Дата посещения: 13.10.13].

Колосова Н. М., Иванюк О. А. 2011. Гражданское общество и государство в борьбе с коррупцией // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 10 (16). URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1114&Itemid=114 [Дата посещения: 13.10.13].

Крупкин П. Л. 2009. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. № 7–8. URL: http://problemanalysis.ru/public/public_230.html [Дата посещения: 13.10.13].

Култыгин В. П. 2008. Социология культуры или социология культурно-духовной сферы // Социологические исследования. № 8. С. 143–146.

Латов Ю. В. 2008. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 6. № 2. С. 123–138.

Манхейм К. 2000. Избранное: Социология культуры. М., СПб.: Университетская книга. 501 с.

Нестик Т. А. 2002. Коррупция и культура // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. № 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> [Дата посещения: 13.10.2013].

Николаева У. Г. 2005. Насилие и внешнеэкономическое принуждение: место архаики в современной экономике и социальной практике // Социология власти. № 4. С. 81–95.

Попов М. Ю. 2010. Институты гражданского общества против коррупции // Историческая и социально-образовательная мысль. № 2 (4). С. 24–31.

Серапина А. А. 2011. Мировой финансовый кризис и необходимость усиления борьбы с коррупцией (проблема глобализации антикоррупционной политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1 (26). С. 84–90.

Якутин Ю. В. 2010. «Вечнозелёные» проблемы коррупции // Финансовая жизнь. № 1. С. 88–92.

The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct

Kamensky Evgeniy Georgievich

Candidate of sociological sciences, associate professor, chair of Philosophy and Sociology Department, Southwest State University, Kursk, Russia. E-mail: kamensky80@mail.ru

Abstract. This article presents the author's concept of the culture of corruption as a social phenomenon. An attempt is made to categorise the functional, structural, behavioural, and other aspects of the content of the phenomenon under study. As a result, this paper formed and instrumentally updated the theoretical, methodological and conceptual basis of the scientific analysis of the corrupt culture in social theory. The main processes of the institutionalisation of corruption, its identification as a social and cultural phenomenon, are the processes of legitimation and ritualisation of corrupt practices, which are classifiable in simulation of formal social practices. As a consequence of this situation, corruption creates an environment that starts to regulate social relations in the society. In particular, as a result of theoretical studies, the author's definition of the concept of a culture of corruption, as well as its features as defined in Russia, have suggested the integration of these criminal phenomena as a national tradition of corruption, in which the corruption organisational model of culture is responsible for the destruction of the institutional organisation of society. Based on the results of this study, the author formed the model of the functional structure of corrupt culture and the mechanisms of its formation in terms of anomie value-normative space in Russian society. Corruption, being itself a generic form of a certain type of social relations, has a wide range of typical variants of its representation, for example, in accordance with the specific institutional loci of the corrupt relations in a socio-cultural environment. In these cases, the value and normative components of corrupt practices are also based on the specifics of the matrix of values and norms of the institution of localisation. Thus, in Russia, corruption as a social phenomenon with a specific value-normative content is extended in the chronological context of the social perspective as a compensatory, complex dysfunctional anomie sociocultural system from a national tradition of organising the economy and production, the specifics of the social psychology of the population and its occupational groups. There is a phenomenon of alternative corruption against the official law. That phenomenon is identified by two institutions regulating their formal relations, operating in parallel, where each process is accompanied by the implementation of formal social practices through their own methods – legal or criminal (corruption).

Keywords: Culture corruption, corruption, corruption risks, institutional structure, social ritual legitimation, criminal practice.

References

Bezubyak T. M. Formirovanie gotovnosti uchaschihsya professionalnogo litseya k antikorrupcionnomu povedeniyu [The Formation of Readiness of Students of Vocational School to Anti-corruption Behavior] – Tchelovek i obrazovanie, 2010, no 3 (24), pp. 66–69.

Glebova I. I. «Dvortzovoe gosudarstvo» v sovremennoy Rossii [“The Palace State” in Modern Russia] – Politicheskaya kontseptologiya, 2001, no 2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.2/05.pdf> [date of visit 11.09.13].

Goltzov N. F. Vlast` i korrupziya: psihologichesky aspekt [Power and Corruption: the Psychological Aspect] – Akademichesky vestnik. Sbornik nauchnykh trudov. Tumen’: Tumensky gosudarstvennyy institut mirovoy ekonomiki, upravleniya i prava, 2008, No. 1, pp. 98–103.

Isakov A. L., Ermolenko V. V. Modelirovanie arhaizatsii politicheskogo processa kak metodologicheskaya problema sotsialno-gumanitarnogo znaniya [Modeling of Archaization the Political Process as a Methodological Problem of Socio-humanitarian Knowledge] – Inzhenernyy vestnik Dona, 2011, No. 3. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> [date of visit 13.10.13].

Kolosova N. M., Ivanyuk O. A. Grazhdanskoe obschestvo i gosudarstvo v bor`be s korrupziyey [Civil Society and the State in the Fight against Corruption] – Nauka i obrazovanie: hoziaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie, 2011, no 10 (16).

Krupkin P. L. Arhaizatsiya – dominiruyuschiy trend sotsialnykh izmeneniy v Rossii [Archaism is the Dominant Trend of Social Change in Russia] – Nauchnyy ekspert, 2009, No. 7–8. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal7_8_2009.pdf [date of visit 13.10.13].

Kulyigin V. P. Sotziologiya kultury ili sotziologiya kulturno-duhovnoy sfery [Sociology of Culture or Sociology Cultural-spiritual Sphere] – Sotziologicheskie issledovaniya, 2008. No. 8, pp. 143–146.

Latov Y. V. «Glas naroda» o problemakh korruptsii: zakonomernoe i paradoksalnoe [“The Voice of the People” about the Problems of Corruption: a Logical and Paradoxical] – Ekonomichesky vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, V. 6, no.2, pp. 123–138.

Mannheim K. Izbrannoe: Sotziologiya kultury [Favorites: Sociology of Culture: Russian Edition]. M., Sankt-Peterbug, Universitetskaya kniga, 2000. 501 p.

Nestik T. A. Korrupziya i kultura [Corruption and Culture] – Tenevaya ekonomika v sovetskom i postsovetskom obschestvakh (web publ.), 2002, no 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> [date of visit 13.10.2013].

Nikolaeva U. G. Nasilie i vneshneekonomicheskoe prinuzhdenie: mesto arhaiki v sovremennoy ekonomike i sotzial`noy praktike [Violence and Economic Coercion: the Place of the Archaic in the Modern Economy and Social Practice] – Sotziologiya vlasti, 2005, No. 4, pp. 81–95.

Popov M. Y. Instituty grazhdanskogo obschestva protiv korrupcii [The Institutions of Civil Society against Corruption] – Istoricheskaya i sotzialno-obrazovatel'naya mysl`, 2010, No. 2 (4), pp. 24–31.

Serapina A. A. Mirovoy finansovy krizis i neobhodimost` usileniya bor`by s korrupziyey (problema globalizatsii antikorrupcionnoy politiki) [The Global Financial Crisis and the Need to Strengthen the Fight against Corruption (the Problem of Globalization of Anti-corruption Policy)] – Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura, 2011, No. 1 (26), pp. 84–90.

Veber M. Osnovnyie sotziologicheskie ponyatiya [Basic Sociological Concepts]. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. Moscow, Progress, 1990, pp. 602–643.

Yakutin Y. V. «Vechnozeleniy» problemy korrupcii [“Evergreen” Problems of Corruption] – Finansovaya zhizn`, 2010, No. 1, pp. 88–92.

Zhuravliov A. L., Yurevitch A. V. Psihologicheskie faktory korrupcii [Psychological Factors of Corruption] – Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya, 2012, No. 1, pp. 8–21.